

Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русский чисто анекдот.

Н.В. Гоголь А.С. Пушкину

7 октября 1835 г.

Томские студенческие годы... Общежитие на Ленина, 49... Молодежные вечеринки в комнатах по самым разным поводам. Как-то жившие в нашей комнате двое украинцев провели вечер по случаю дня рождения Т.Г. Шевченко. Были приглашены украинцы с других факультетов ТГУ. Читали шевченковские стихи, пели украинские песни. И все это на украинском языке. Этот шевченковский вечер, проведенный украинцами весело и интересно, подтолкнул меня на идею – отметить день рождения Пушкина не хуже, а даже лучше. Посоветовавшись с друзьями, мы решили, что лучшее место для этого не наша студенческая келья-комната, а ресторан. По нашим тогдашним понятиям посещение именно ресторана с этой целью будет значительнее на целую голову в глазах сокурсников.

И вот 6 июня 1963 года я и трое моих друзей часов в 8 вечера в ресторане «Сибирь» сели за стол, заказали 20 бутылок любимого и тогда дефицитного пива «Жигулевского» и две бутылки водки. «Подыдем стаканы, содвинем их разом», – начал я той пушкинской строкой наше дружеское торжественное заседание. Часа через два мы сходили покурить в туалет, а вернувшись, удивились – на нашем столе нет ни одной бутылки «Жигулевского» из оставленных десяти. После небольшого спора с официанткой она на наш стол поставила 10 бутылок пива, но не «Жигулевского», а «Бархатного», которое мы не любили.

Мы возбудились неравноценной заменой и потребовали уже заказанного «Жигулевского». Официантка, не извинившись, сказала, что наши 10 бутылок переставила на другой стол, так как думала, что мы уже ушли, и что в ресторане осталось только «Бархатное». Мои друзья шумно запротестовали и потребовали «Книгу жалоб и предложений». К нашему столу подошли другие официантки, они включились в спор, который быстро перерос в бурный скандал.

Я, до того молчавший и не проронивший ни одного слова, вдруг выпустил длинную очередь слов на непонятном для официанток языке. А по случаю торжественного для меня дня – дня рождения Пушкина – я был «как dandy лондон-

ский одет» – на мне был новенький немецкий (из ГДР) костюм фирмы «Кобра», белая рубашка, галстук, чем я резко выделялся среди друзей, сидевших за столом в повседневной одежде.

Тут надо сказать, что мы, студенты историко-филологического факультета ТГУ, недавно учили латинский язык, и память моя хранила не только много латинских слов, но и целые выражения на латинском языке. Мой длинный поток слов на непонятном иностранном языке, перемешанный ломаными русскими словами, неожиданно для меня произвел на официанток сильное впечатление. «А кто это с вами, иностранец, что ли?», – спросила одна из них, глядя на меня. Кто-то из моих захмелевших друзей сказал «да», а я тут выпустил еще целую горсть латинских слов, совершенно не связанных друг с другом. Глядя на свою официантку и сделав серьезное выражение лица, я медленно и четко произнес латинское выражение «Per aspera ad astra, per aspera ad astra» («через тернии к звездам» в переводе на русский язык). Дважды повторенное, при моем укоризненном покачивании головой, оно вызвало у официанток полную растерянность, и они стали испуганно переглядываться. Сцена очень напоминала заключительную сцену в гоголевском «Ревизоре». Еще бы, иностранец в томском ресторане, а его тут по привычке «надули», словно рядового советского.

Вот тут я, сознательно ломая родной язык, путая падежи, местоимения, умело жестикулируя руками в помощь словам, стал говорить официанткам: «Давай моя, моя писать хочеть, чит хорошо, чит плохо», нажимая при этом на букву «ч». Официанты поняли, что уже и «иностранец» требует Книгу жалоб, и это их, конечно, напугало еще сильнее. Еще бы, появившись в этой книге отрицательный отзыв от иностранца, никому не поздоровится, даже директору.

Тут к нашему столу подошел швейцар в форме и сказал, что уже 12 часов ночи, хватит спорить, все посетители ушли, и пора ресторан закрывать. Да, время для нас пролетело быстро и незаметно.

Поспорив еще немного, друзья мои с недовольным видом ушли. А я, недовольный «иностранец», отказался уходить и остался наедине с официанткой в опустевшем ресторане. Даже не думая вставать из-за стола, я снова заявил недовольным тоном: «Моя не идет, моя писать что хорошо, что плохо», то есть настаивал на записи в книге жалоб.

Бедная официантка... Она не знала, как ей быть, что делать с «иностранцем». Она не раз спрашивала меня, из какой я страны и на каком языке я разговариваю. Я же стоял на своем – дайте жалобную Книгу, тогда скажу и о стране, и о языке. За это требование я уцепился и стал им спекулировать, понимая его важность в щекотливой обстановке для официантки.

Не менее часа я с ней еще беседовал за столом в давно опустевшем ресторане, изображая «иностранца». Убедившись, что «иностранец» без письменной жалобы не уйдет, официантка вынуждена была по телефону вызвать директора ресторана, хотя Томск давно спал.

... Вскоре за моим столом сидела женщина, директор «Сибири». Она официально представилась, но я, к сожалению, не помню сейчас ни ее фамилию, ни имя. Мой костюм, белизна рубашки, галстук, ломаный русский язык, обильно перемешанный непонятными иностранными словами, уверенность, с которой

я держался, объясняя суть своего недовольства, убедили и ее, что перед нею иностранец.

Тогда она, извиняясь за официантов, лишивших меня и моих советских друзей «Жигулевского», пригласила меня в свой кабинет на второй этаж. Удивительно, но я уверенно пошел с ней продолжать свой спектакль. С нами поднялась и официантка.

В кабинете директора на столе передо мной сразу появились коньяк, шампанское, икра черная и красная. Директриса тоже спрашивала, из какой я страны и на каком интересном языке я разговариваю. Я же стоял на своем – дайте книгу для записи жалобы, тогда «моя тебя много говорить, много сказать». И снова произносил – в который раз! – «per aspera ad astra», «dura lex, sed lex» («суров закон, но закон»).

Эти и другие латинские выражения, мое укоризненное покачивание головой и деланный умело недовольный вид, производили на директора неприятное для нее впечатление. Она и официантка вслух размышляли над неожиданной проблемой и над тем, как сохранить все это втайне от горкома КПСС. Вслух размышляли и над вопросом, что это за язык, такой интересный, но не похожий ни на один из известных иностранных. Моя речь, где я умело путал падежи и окончания в ломаном русском языке, вызывали у моих собеседниц улыбки. Они меня тут же поправляли, а я старательно и неумело повторял их слова, улыбаясь в ответ на их искренний смех.

Слово «жигули» я произносил как «чигули», меняя Ж на Ч. А вот со словом «бархатное» было сложнее что-нибудь на ходу придумать. И я сделал вид, будто не могу произнести по-русски «бархатное», встал из-за стола и стал глазами торопливо осматривать кабинет, его шкафы, стены, делая вид активного поиска подсказки для ответа. Наконец мой взор остановился на ковровой бархатной дорожке, покрывавшей весь пол в кабине директора. Обрадованный, произносятся слово «пиво! пиво!», я стал пальцем энергично показывать на дорожку, на которой я стоял. Тут официантка догадалась и воскликнула «бархатное, бархатное!». Я согласно покачал головой, радуясь понятливости ее, и по латыни произнес какие-то выражения, одни им уже знакомые, другие новые, но будто бы выражающие мое удовлетворение. Выражение моего лица и тон голоса подтверждали это.

Так мы втроем весело провели всю короткую летнюю ночь. А я так вошел в роль иностранца, что импровизированный спектакль проходил непринужденно, естественно, и я сумел сохранить тайну своего «я».

Удивляюсь одному, ни у кого не возник вопрос, откуда в Томске мог появиться иностранец, если Томск для них закрыт? И никто ни разу не спросил, как меня зовут. Чудеса да и только.

В конце концов мы за столом пришли к компромиссу, предложенному директором, я ничего не буду писать в книгу жалоб, а вечером с тремя своими друзьями явлюсь в «Сибирь», где для нас будет бесплатно накрыт отдельный стол. На нем будет все нужное для мужской компании, в том числе и «Жигулевское».

Уже было совсем светло, когда я, провожаемый до двери успокоенной и довольной директрисой, покинул гостеприимный ресторан.

Вот так я чисто по-студенчески, весело и с импровизированным спектаклем, отметил день рождения своего поэтического кумира Пушкина. Ну а вечером мы с друзьями в «Сибири», конечно, не появились, догадываясь, что там за день разобрались с «иностранцем», который их дурачил весь вечер и всю ночь под пушкинским хмельком.

Так из реальной жизни рождаются сюжеты для литературных произведений. Однажды ведь и самого Пушкина в 1833 году в Нижнем Новгороде губернатор принял за важного государственного чиновника с тайным поручением. Пушкин рассказал Гоголю об этом и о другом подобном случае. Они и легли в основу знаменитого гоголевского «Ревизора».

Мне же этот пушкинский день рождения, когда я прекрасно повторил игру гоголевского Хлестакова, запомнился навсегда. И повторить её ещё раз невозможно ни при каких обстоятельствах. В этой оригинальной обстановке мне единственный раз в жизни пригодился латинский язык.